
ДОВЕРИЕ, ВСЕОБЩЕЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ*

Т. Лаппи-Сеппала

В статье анализируются различия в степени репрессивности уголовной политики в индустриализованных странах. Внимание сосредоточивается не только на англосаксонских странах, в которых в последние десятилетия произошел беспрецедентный рост численности заключенных, но и на скандинавских, западноевропейских и восточноевропейских. В рамках синхронического анализа и анализа трендов рассматривается целый ряд социальных, политических и экономических факторов, связанных с преступностью. Результаты исследований позволяют утверждать, что различия в доле заключенных в составе населения не могут объясняться различиями в уровне преступности. Суровость уголовной политики тесно связана с общественными настроениями (страхами, уровнями институционального и межличностного доверия), степенью обеспечения всеобщего благосостояния, различиями в распределении доходов и политической культуре. Например, скандинавская модель уголовной политики, известная своей мягкостью, основывается на консенсуальной и корпоративской политической культуре, высоких уровнях общественного доверия и политической легитимности и сильном государстве всеобщего благосостояния.

Ключевые слова: уголовная политика, репрессивность, доля заключенных в составе населения, государство всеобщего благосостояния, доверие, легитимность, политическая культура, политическая экономия

* Lappi-Seppälä, Tapio. Explaining National Differences in the Use of Imprisonment // Sonja Snacken, Els Dumortier (eds.) Resisting Punitiveness in Europe? Welfare, Human Rights and Democracy. London: Routledge, 2011. © 2011 Taylor & Francis. All rights reserved. Перевод и публикация с разрешения автора и Taylor & Francis Books. Перевод с английского И. Г. Ясавеева. Статья переведена в рамках проекта «Исследование финского опыта сокращения числа заключенных» (грант Фонда Конне, Финляндия 18–3382–33).

Введение

В последние десятилетия в различных частях мира имело место беспрецедентное расширение сферы уголовного контроля. С начала 1970-х годов доля заключенных в составе населения в США выросла примерно в пять раз, в Нидерландах – в шесть раз. Значительные изменения различного масштаба наблюдаются и во многих других странах. Возросшая готовность государств использовать свою власть наказывать вызвала целый ряд криминологических и социологических объяснений, в основном со стороны авторов из США и англоязычных стран. Не высказываемое явно предположение, что процессы, подобные тем, которые имеют место в США и Великобритании, происходят и в других странах, отразилось в попытках предложить общее объяснение такого рода изменений в условиях общества позднего модерна. Однако это предположение ошибочно: такие процессы наблюдались не везде. Наряду с общим ростом культур контроля существуют противоположные тенденции, а также отклонения, связанные со спецификой той или иной страны. Одним из важных примеров такого рода являются скандинавские страны с их более умеренной уголовной политикой, но это не единственный пример. Игнорирование таких различий может привести к формированию сверхобобщенной и упрощенной картины изменений систем уголовного правосудия. В этом эссе рассматриваются объяснения различий в степени суровости уголовной политики в индустриализованных странах. Внимание при этом сосредоточивается не только на англоязычном мире, но и на скандинавских странах, Западной и Восточной континентальной Европе и странах Балтии.

Тенденции и различия в численности заключенных

Тенденции. С середины 1970-х годов доля заключенных в составе населения в США выросла более чем на 300 процентов – примерно со 170 до 730 заключенных на 100 тысяч жителей. США, как представляется, оказывают сильный моделирующий эффект в этом отношении на англоязычные страны. Сходные изменения, хотя и в меньших масштабах, произошли также в Австралии, Новой Зеландии и Великобритании. Роль «девианта» среди англосаксонских стран играет Канада: в течение последних 15–20 лет доля заключенных в составе населения в этой стране оставалась более или менее стабильной.

В континентальной Европе сосуществуют различные тенденции. В одних западноевропейских странах доля заключенных в составе населения отличается стабильностью, оставаясь на уровне от 80 до 90 заключенных на 100 тысяч жителей (Германия, Австрия и Швейцария). Другие достигли этого уровня после весьма существенного роста, начавшегося в 1970-е годы (Франция и Бельгия). Но есть и весьма заметные исключения. С 1970 по 2005 год в Нидерландах имел место более чем шестикратный рост доли

заключенных в составе населения – с 20 до 130 человек на 100 тысяч жителей. В Испании значения этого показателя выросли более чем в три раза – с 40 до 140. Последние данные указывают на то, что в настоящее время в этих странах наблюдаются разнонаправленные тенденции. С 2005 по 2008 год численность заключенных в Нидерландах снизилась более чем на 20 %¹, тогда как в Испании по-прежнему наблюдается рост. В Восточной Европе (исключая бывшие республики Советского Союза) доля заключенных в составе населения примерно в два раза выше, чем в Западной Европе, а в странах Балтии – еще выше.

Таблица 1

**Доля заключенных в составе населения в некоторых
англосаксонских странах с 1970 по 2011 год
(число заключенных на 100 000 жителей)**

<i>Страна</i>							<i>Изменения, Изменения,</i>	
	<i>1970</i>	<i>1980</i>	<i>1990</i>	<i>2000</i>	<i>2005</i>	<i>2010/11</i>	<i>1970–2005, %</i>	<i>1990–2005, %</i>
США	166	221	461	684	738	730	+345	+60
Новая Зеландия	83	88	114	151	186	199	+124	+63
Англия и Уэльс	71	85	90	125	144	154	+103	+60
Австралия	–	59	84	113	125	129	–	+49
«Девианты»:								
Канада	88	98	113	101	107	117	+22	–5

Источники: Национальная статистика, Международный центр тюремных исследований // <http://www.prisonstudies.org>

¹ Недавнее сокращение доли заключенных в составе населения в Нидерландах связано главным образом с более широким использованием общественных работ как вида наказания. Интерпретируя данные о численности заключенных в Нидерландах, необходимо принимать во внимание тот факт, что они включают в себя значительное число пациентов с психическими заболеваниями, несовершеннолетних и иностранцев, задержанных за нарушение миграционного законодательства. Все это является причиной искусственного увеличения доли заключенных в составе населения в Нидерландах примерно на 30 %, что необходимо учитывать при международных сравнениях. О сопоставимости данных о числе заключенных и различных методах их сравнения см.: [Lappi-Seppälä, 2008b. P. 320–332; Aebi, Stadnic, 2009].

Таблица 2

**Доля заключенных в составе населения в некоторых странах
Западной Европы с 1970 по 2011 год
(число заключенных на 100 000 жителей)**

<i>Страна</i>	<i>1970</i>	<i>1980</i>	<i>1990</i>	<i>2000</i>	<i>2005</i>	<i>2010/11</i>	<i>Изменения, 1970–2005, %</i>	<i>Изменения, 1990–2005, %</i>
Франция	55	66	77	82	88	111	+60	+14
Бельгия	61	58	66	86	93	97	+52	+41
Германия	86	92	82	97	97	86	+13	+18
Швейцария	–	62	77	79	83	79	–	+8
Австрия	–	107	83	85	108	104	–	+30
«Девианты»: Испания		38	85	113	145	152	–	+70
Нидерланды	21	23	43	84	127	87	+505	+195

Источники: Национальная статистика, Международный центр тюремных исследований.

Скандинавские страны отличаются от многих других европейских стран, а также от неевропейских, с одной стороны, стабильностью, с другой – мягкостью уголовной политики. На протяжении почти половины столетия доля заключенных в составе населения в Дании, Норвегии и Швеции оставалась в узких пределах от 40 до 60 заключенных на 100 тысяч жителей.

Таблица 3

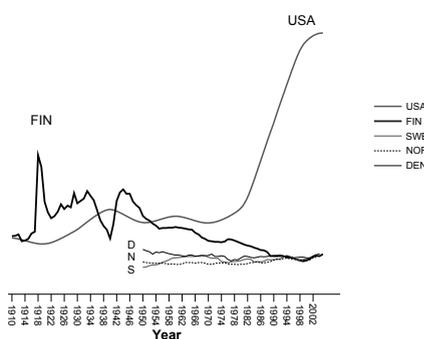
**Доля заключенных в составе населения в некоторых
скандинавских странах с 1950 по 2011 год
(число заключенных на 100 000 жителей)**

<i>Страна</i>	<i>1950</i>	<i>1960</i>	<i>1970</i>	<i>1980</i>	<i>1990</i>	<i>2000</i>	<i>2005</i>	<i>2010/11</i>	<i>Измене- ния, 1970– 2005, %</i>	<i>Измене- ния, 1990– 2005, %</i>
Норвегия	51	44	44	44	56	57	68	73	+54	+21
Дания	88	71	70	63	67	67	78	74	+11	+16

Страна									Измене- ния, 1970– 2005, %	Измене- ния, 1990– 2005, %
	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2005	2010/11		
Швеция	35	63	65	55	58	60	78	78	+20	+34
«Девианты»:										
Финляндия	187	154	113	106	69	55	74	59	–35	+7

Источники: [Falck, von Hofer, Storgaard, 2003; Correctional Statistics... 2008] с дополнениями Т. Лаппи-Сеппала и И. Ясавеева на основе данных Международного центра тюремных исследований.

Однако Финляндия выделяется из этой группы. В начале 1950-х годов доля заключенных в составе населения этой страны в четыре раза превышала уровень других скандинавских стран. В Финляндии в то время было около 200 заключенных на 100 тысяч жителей, тогда как среднескандинавский уровень (Швеция, Дания и Норвегия) составлял около 50 заключенных. Еще в 1970-е годы доля заключенных в составе населения в Финляндии была одной из самых высоких в Западной Европе. Однако устойчивое сокращение численности заключенных, начавшееся вскоре после Второй мировой войны, продолжилось, и в 1970–1980-е годы, когда в большинстве европейских стран наблюдался рост тюремного населения, финские показатели по-прежнему снижались. К началу 1990-х годов Финляндия достигла уровня скандинавских стран – примерно 60 заключенных на 100 тысяч жителей. С 1980 по 2005 год в Норвегии, Дании и Швеции число заключенных увеличилось. В Финляндии это произошло в период с 2000 по 2005 год. Последние данные указывают на разнонаправленность тенденций в скандинавских странах (рост числа заключенных в Норвегии, отсутствие изменений в Швеции, сокращение в Дании и Финляндии)¹.

Источники: [Falck, von Hofer, Storgaard, 2003]; Министерство юстиции США.

Рис. 1. Долгосрочные тенденции изменения доли заключенных в составе населения в скандинавских странах и США

¹ Более подробно ситуация в скандинавских странах рассматривается в работах: [Lappi-Seppälä, 2007; Pratt, 2008]. О недавних тенденциях в Финляндии см.: [Lappi-Seppälä, 2008a].

Расходящиеся долгосрочные тенденции, характерные для США и скандинавских стран, представлены на рис. 1. В течение последних 60 лет положение дел в Финляндии и США менялось в противоположных направлениях.

Особенности и различия. Доля заключенных в составе населения в различных регионах представлена на рис. 2. В глобальном контексте Скандинавия как регион отличается самыми низкими значениями этого показателя

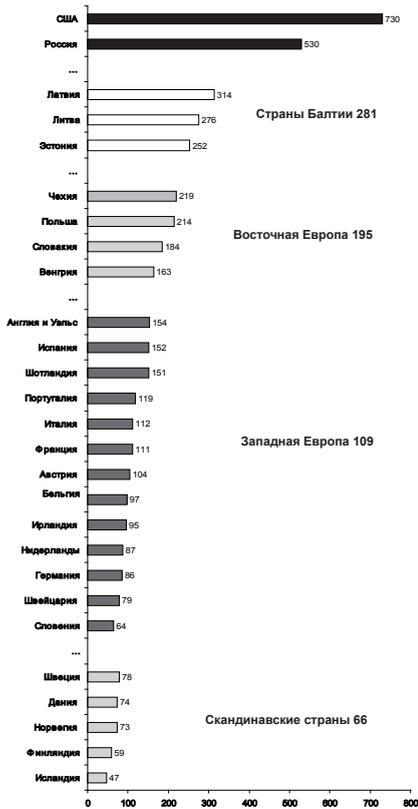

Рис. 2. Число заключенных на сто тысяч жителей в некоторых странах по данным Международного центра тюремных исследований на 1 января 2012 года [International Centre...]

в Европе (примерно на том же уровне находятся Ирландия, Швейцария и Словения). В настоящее время число заключенных на 100 тысяч жителей в скандинавских странах варьируется от 47 до 78, составляя в среднем 66, в других западноевропейских странах – от 64 до 154, в Восточной Европе – от 163 до 219, в странах Балтии – от 252 до 314 (в среднем 281), в России – 534, в США – 730.

Эти данные ставят перед нами несколько вопросов:

1. Чем объясняется резкий рост числа заключенных, особенно в США и некоторых европейских странах?

2. Чем объясняется совершенно иная ситуация (снижение численности заключенных) в Финляндии (а также в некоторых других странах)?

3. Чем объясняется мягкость уголовной политики в скандинавских странах?

Большинство исследователей пытаются объяснить «американскую исключительность» и рост числа заключенных в англоязычном мире [Garland, 2001; Tonry, 2004]. В нашей работе акцент сделан на другом: мы выявляем различия между западноевропейскими

странами и объясняем «скандинавскую исключительность»: почему скандинавские страны в целом оказались способны удерживать репрессивность на сравнительно низком уровне в течение столь продолжитель-

ного периода. Данная статья представляет основные результаты крупного сравнительного исследования, охватывающего 25 стран¹. В этой сокращенной версии мы сосредоточиваемся на макроуровневых индикаторах, связанных с социальными и экономическими обстоятельствами, социальными и моральными ценностями, политической экономией и политической культурой, используя долю заключенных в составе населения в качестве основного индикатора уровней репрессивности и суровости системы уголовного правосудия². Несмотря на свою ограниченность, доля заключенных в составе населения при проведении широкого сравнительного анализа остается «превосходной репрезентацией многих других индикаторов реакции обществ на действия, определяемые в качестве преступлений» [Wilkins, 1991. P. 13].

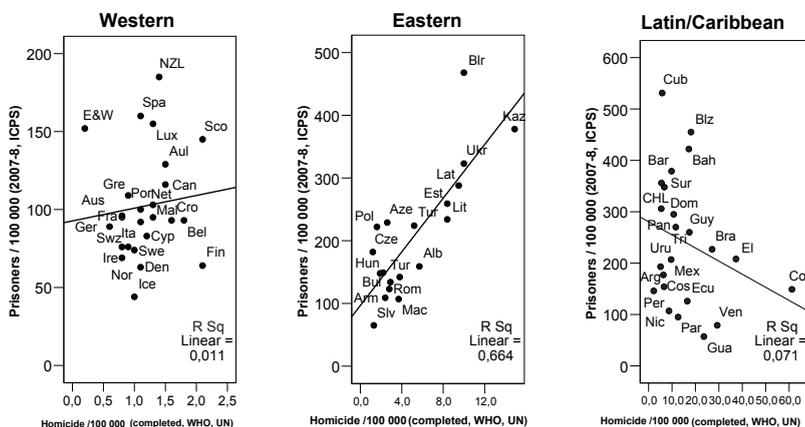
Уровни преступности и численность заключенных

Очевидным, на первый взгляд, является предположение, что различия в доле заключенных в составе населения отражают различия в уровне преступности. В этом разделе мы попытаемся ответить на вопрос о том, какова связь между числом заключенных и уровнями преступности, в рамках син-

¹ Выборка включала в себя 16 западноевропейских стран, 3 восточноевропейские страны (Чехия, Венгрия и Польша), 2 страны Балтии (Эстония и Литва) и 4 англосаксонские страны за пределами Европы (США, Канада, Новая Зеландия и Австралия). Источниками информации о доле заключенных в составе населения были публикации Международного центра тюремных исследований; The European Sourcebook of Crime and Criminal Justice Statistics, 1995, 2000, 2006; национальные статистические данные и различные исследовательские отчеты. Главные факторы, объясняющие долю заключенных в составе населения, включали в себя страхи, репрессивность и доверие (измеренные в ходе Международного обследования жертв преступлений (ICVS), Европейского обследования преступности и безопасности (EU ICS), Европейского социального обследования (ESS) и Всемирного исследования ценностей (WVS)), неравенства доходов и расходов на социальное обеспечение (по данным Люксембургского исследования доходов (LIS), Евростата, ООН, Европейской системы социальных индикаторов (EUSI), Организации экономического сотрудничества и развития (OECD)), политическую культуру и корпоратизм (о политических индикаторах см.: [Lijphart, 1999; Huber, Ragin, Stephens, Brady, Beckfield, 2004]). Более подробно эти источники описываются в работе: [Larpi-Seppälä, 2008b. P. 320–332]. Отбор стран в значительной степени определялся доступностью данных из четырех основных источников: первого раунда Европейского социального обследования, Люксембургского исследования доходов, Международного обследования жертв преступлений и Организации экономического сотрудничества и развития. Впоследствии рамки анализа были расширены до 99 стран по всему миру. США не представлены на большинстве графических иллюстраций из-за совершенно иного масштаба использования тюремного заключения (см., например, рис. 3). Однако данные корреляций обычно представлены двояким образом – как включая США, так и исключая.

² Другие возможные индикаторы суровости системы уголовного правосудия обсуждаются в работе: [Larpi-Seppälä, 2008b].

ограниченное отношение к числу заключенных, поскольку влекут за собой наказания, как правило, не связанные с лишением свободы. Во-вторых, различия в зарегистрированной преступности крайне зависимы от практик регистрации преступлений и от правовых дефиниций. Существуют очевидные различия в этом отношении между развивающимися и развитыми странами, а также между странами Западной и Восточной Европы [van Dijk, van Kesteren, Smit, 2007]. Более надежные сравнения возможны при использовании в качестве показателя насилия со смертельным исходом. В целом между уровнем убийств и долей заключенных в составе населения существует позитивная корреляция¹. Однако оказалось, что характер этой связи различен в различных регионах (см. рис. 4).

Источники: Международный центр тюремных исследований, Всемирная организация здравоохранения, ООН.

Рис. 4. Число заключенных и число убийств в 2003 году (на 100 тысяч жителей, глобальная выборка стран, исключая США). Здесь и далее: Alb – Албания, Arm – Армения, Aze – Азербайджан, Blr – Беларусь, Bul – Болгария, Kaz – Казахстан, Lat – Латвия, Mac – Македония, Rom – Румыния, Slv – Словения, Tur – Турция, Ukr – Украина, Arg – Аргентина, Bah – Багамы, Bar – Барбадос, Blz – Белиз, Bra – Бразилия, CHL – Чили, Col – Колумбия, Cos – Коста-Рика, Cub – Куба, Ecu – Эквадор, El – Эль-Сальвадор, Dom – Доминика, Gua – Гватемала, Guy – Гайана, Mex – Мексика, Nic – Никарагуа, Pan – Панама, Par – Парагвай, Per – Перу, Sur – Суринам, Tri – Тринидад и Тобаго, Uru – Уругвай, Ven – Венесуэла

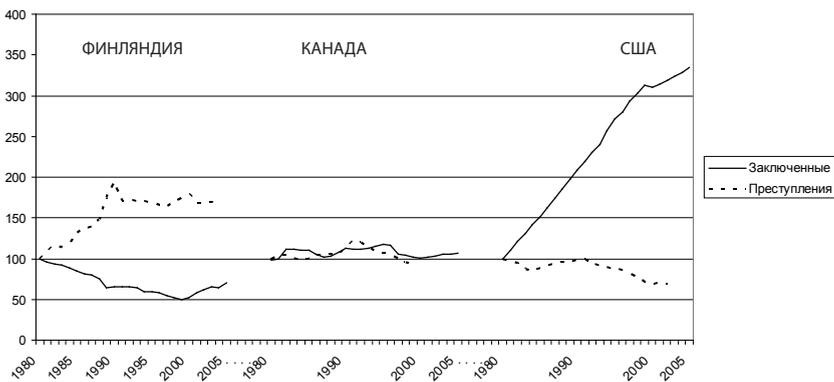
¹ Корреляция в глобальной выборке равняется 0,25 (n = 82), а в основной выборке 0,68** (n = 24). Ян Ван Дейк сообщает о еще более высокой корреляции между долей заключенных в составе населения и уровнем убийств (r = 0,48), но при ранжированных значениях. См.: [van Dijk, 2008. P. 269].

Если в Восточной Европе между убийствами и долей заключенных в составе населения наблюдается позитивная корреляция, то в Латинской Америке и Карибском регионе корреляция негативная. Численность заключенных в западных демократических странах (исключая США), как представляется, относительно независима от уровня насилия со смертельным исходом. Если существует позитивная связь, то необходимо указать на обособленное положение Англии и Уэльса и Финляндии на противоположных концах шкалы. В целом данные о зарегистрированной и фактической преступности вряд ли могут служить основанием для вывода о существовании какой-либо заметной позитивной корреляции между долей заключенных в составе населения и уровнем преступности. Это впечатление усиливается при рассмотрении изменений с течением времени.

Тенденции изменений доли заключенных в составе населения и зарегистрированной преступности с 1980 по 2005 год

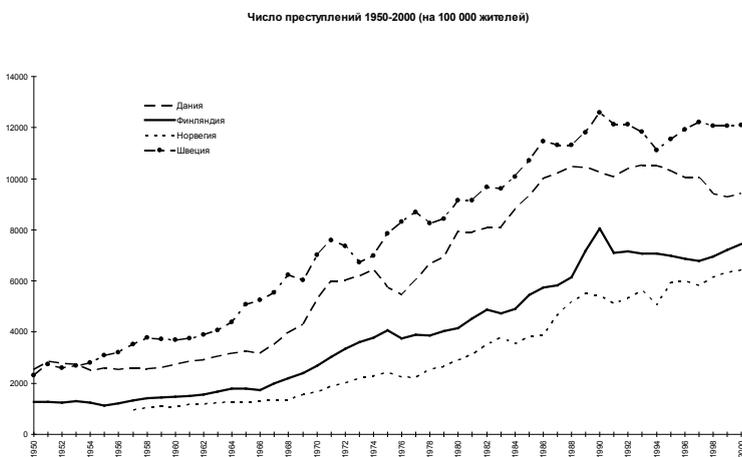
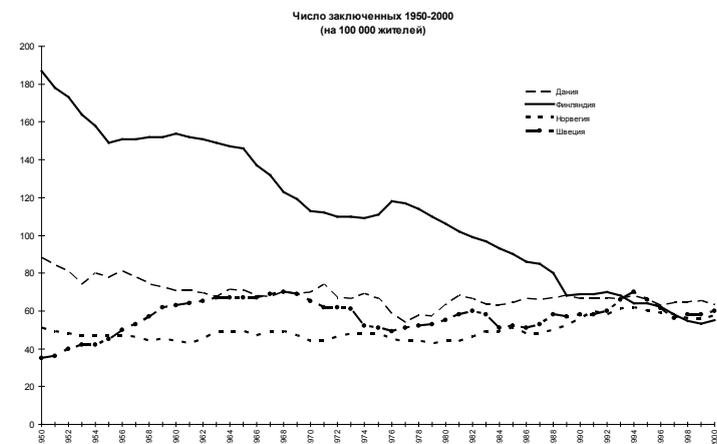
Анализ тенденций предоставляет еще одну возможность измерения связей между уровнем преступности и числом заключенных. На рис. 5 сравниваются тенденции изменения доли заключенных в составе населения и зарегистрированной преступности в Финляндии, Канаде и США с 1980 по 2005 год (1980 = 100).

Уровни преступности и число заключенных в скандинавских странах с 1950 по 2000 год

Источник: Sourcebook-2006 [Aebi et al., 2006] с дополнениями.

Рис. 5. Число заключенных и преступлений, сообщения о которых поступили в правоохранительные органы, в Финляндии, Канаде и США, на 100 тысяч жителей (1980 = 100)

Источник: Falck S., von Hofer H., Storgaard A. Nordic Criminal Statistics 1950–2000. Stockholm: Department of Criminology, Stockholm University, 2003.

Рис. 6. Доля заключенных в составе населения и уровни преступности с 1950 по 2000 год

Сокращение численности заключенных в Финляндии не было связано со снижением уровней преступности, наоборот: преступность росла, тогда как доля заключенных в составе населения уменьшалась. Это ставит перед нами непростой вопрос о том, не может ли рост преступности в Финляндии объясняться сокращением числа заключенных? Для того чтобы ответить на него, нам необходимо расширить рамки анализа, включив другие скандинавские страны. Эти страны обладают значительным социальным

и структурным сходством, но вместе с тем знают совершенно разную историю наказаний. Это дает нам возможность проверить, каким образом радикальные изменения в практиках наказания в одной стране (Финляндии) отражаются на уровне преступности в сравнении со странами, обладающими сходными социальными и культурными условиями, но в то же время гораздо менее изменившейся системой уголовного правосудия¹. На рис. 6 представлены доля заключенных в составе населения и уровень преступности в Финляндии, Швеции, Дании и Норвегии с 1950 по 2000 год.

Из диаграммы очевидны поразительные различия в использовании тюремного заключения и не менее поразительное сходство в тенденциях зарегистрированной преступности. Существенное сокращение числа заключенных в Финляндии не нарушило симметрию между уровнями преступности в скандинавских странах. Эти данные еще раз подтверждают общий криминологический вывод о том, что уровень преступности и доля заключенных в составе населения достаточно независимы друг от друга; они растут и снижаются, подчиняясь собственным движущим силам.

Доля заключенных в составе населения не связана с уровнями виктимизации, а также уровнями зарегистрированной преступности. Изменение числа заключенных в 1980–2005 годах не следует какому-либо образцу, совместимому с изменениями зарегистрированной преступности. В разных странах в разное время наблюдаются различные тенденции. Эти результаты соответствуют заключению ряда авторов, согласно которому различия в интенсивности использования тюремного заключения не могут объясняться уровнями и тенденциями преступности [см., например: Greenberg, 1999; von Hofer, 2003; Sutton, 2004; Ruddell, 2005]. Таким образом, преступность не объясняет ни различия, ни тенденции. Далее мы попытаемся дать другие объяснения.

Благосостояние и социальное равенство

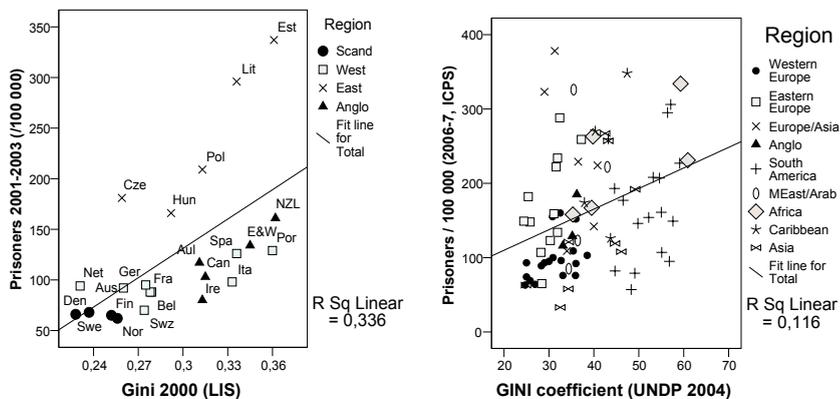
Существует очевидная связь между ориентацией на обеспечение всеобщего благосостояния и культурой наказания. Самый простой способ определить отношение между благосостоянием и использованием лишения свободы – это провести прямую линию между следующими позициями: «помещение людей в тюрьмы или обеспечение их деньгами могут рассматриваться в качестве альтернативных способов действий в отношении бедного, маргинального населения, один из которых является репрессивным, а другой великодушным» [Greenberg, 2001. Р. 70]. «Война с бедностью» ведет к совершенно другой уголовной политике по сравнению с «войной с преступностью». Связь между возникновением карательной политики и сворачиванием

¹ Дания, Норвегия и Швеция в этом отношении выступают своеобразной контрольной группой. – *Прим. пер.*

государства всеобщего благосостояния в США и Великобритании была отмечена рядом комментаторов [Garland, 2001; Cavadino, Dignan, 2006; Downes, 2011]. О существовании связи между уровнем репрессивности и благосостоянием свидетельствует также финская история: период либерализации системы уголовного правосудия начался тогда, когда Финляндия «присоединилась к скандинавской семье государств всеобщего благосостояния». Все это говорит о том, что такие факторы, как высокий уровень социальной и экономической безопасности, равенство в ресурсах, предоставляемых государством всеобщего благосостояния, и щедрое социальное обеспечение, должны способствовать более низкому уровню репрессивности.

Неравенство доходов и социальные расходы

Существует сильная позитивная корреляция между неравенством доходов и долей заключенных в составе населения в западноевропейских странах (левая панель рис. 7). Восточноевропейские страны следуют сходному образцу (но на более высоком уровне доли заключенных в составе населения). Расширение рамок анализа и включение других регионов подтверждает существование этой связи, но в более слабой форме (правая панель рис. 7)¹.

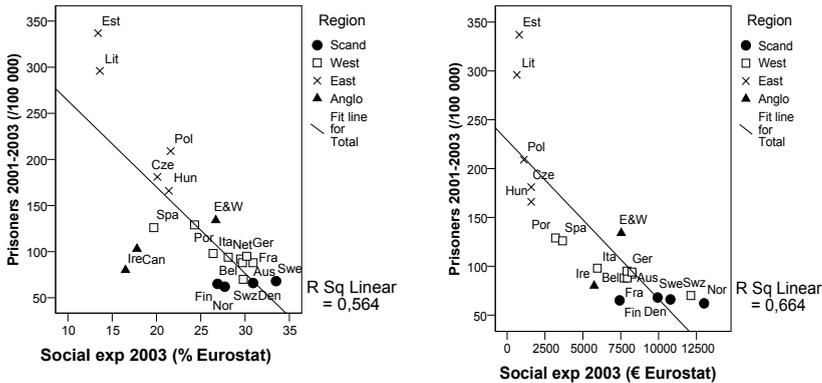

Источники: Sourcebook-2006 с дополнениями, Международный центр тюремных исследований, Люксембургское исследование доходов, ООН.

Рис. 7. Индекс Гини и доля заключенных в составе населения в основной (слева) и в глобальной выборке (справа) стран

¹ «Справедливость» распределения доходов измеряется посредством индекса Гини. Данный индекс выражает степень, в которой реальное распределение доходов отличается от «идеального» или справедливого распределения (0 = абсолютная справедливость, 1 = абсолютная несправедливость). О связи между неравенством доходов и использованием лишения свободы см. также: [Killias, 1986; Tham, 2005].

На рис. 8 сравниваются инвестиции во всеобщее благосостояние и масштаб использования лишения свободы. Величина расходов на обеспечение благосостояния измеряется как в абсолютном (слева), так и в относительном (справа) виде (в процентах ВВП и в евро на душу населения).

Источники: Sourcebook-2006 с дополнениями, Международный центр тюремных исследований, Евростат.

Рис. 8. Социальные расходы и доля заключенных в составе населения (основная выборка стран)

Существует явное обратное отношение между затратами на всеобщее благосостояние и масштабами использования лишения свободы. В правом нижнем углу находятся страны со значительными пропорциональными и абсолютными инвестициями в благосостояние и низкой долей заключенных в составе населения во главе со Швецией и Данией. В левом верхнем углу мы видим восточноевропейские страны, а также Англию и Уэльс, Португалию и Испанию.

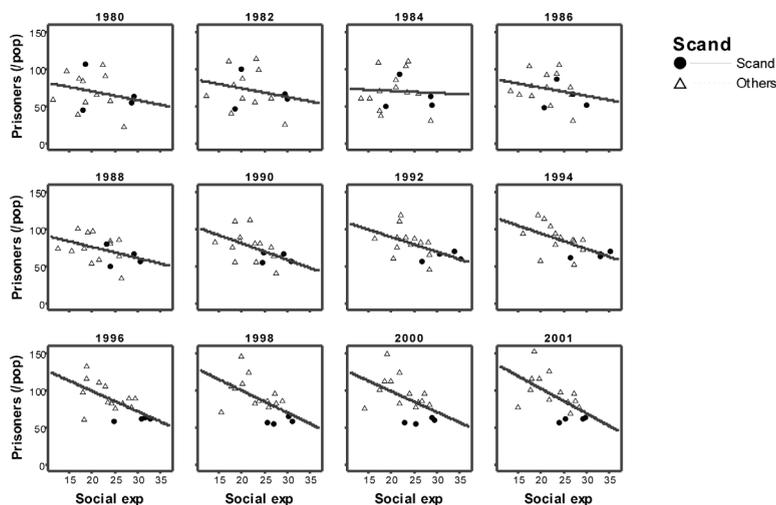
Если обратиться к изменениям с течением времени (рис. 9), то можно заметить, что с 1980 по 2000 год связь между числом заключенных и социальными расходами стала сильнее. Для стран, сокративших свои социальные расходы (в относительном выражении), характерен наиболее резкий рост доли заключенных в составе населения [Downes, Hansen, 2006]. Об аналогичных результатах в случае с США см. [Beckett, Western, 2001].

Региональные образцы и пенитенциарные режимы?

При более подробном рассмотрении выясняется также, что страны на основании свойственной им уголовной политики группируются по «пенитенциарным режимам», тесно связанным с режимами, которые описываются сравнительной теорией государства всеобщего благосостояния. В своем

классическом исследовании «Три мира капитализма всеобщего благосостояния» Госта Эспинг-Андерсен [Esping-Andersen, 1990] установил существование образца, характерного для западных (капиталистических) государств всеобщего благосостояния. По степени и структуре обеспечения всеобщего благосостояния, ценностям и принципам политики страны в этом исследовании достаточно отчетливо разделяются на три режима всеобщего благосостояния: социал-демократический (скандинавский), христианско-демократический (консервативный/европейский) и либеральный (англосаксонский).

Social expenditures and prisoner rates in 17 Western countries

Social expenditures % of GDP (OECD)

(Aul, Aus, Bel, Can, Den, Fin, Fra, Ger, Ire, Ita, Net, Nor, Nzl, Spa, Swe, Swz, UK)

Источники: Sourcebook-2006 с дополнениями, Организация экономического сотрудничества и развития.

Рис. 9. Социальные расходы и доля заключенных в составе населения в 17 западных странах

Эти режимы связывают определенные ценности с определенными программами и политикой. Разные режимы по различным причинам осуществляют различную политику. Выводы Эспинг-Андерсена не были опровергнуты, хотя его первоначальная классификация впоследствии была усовершенствована.

вана, например введением отдельного южного кластера¹. Дополнительный пересмотр классификации потребует при включении в анализ бывших социалистических стран².

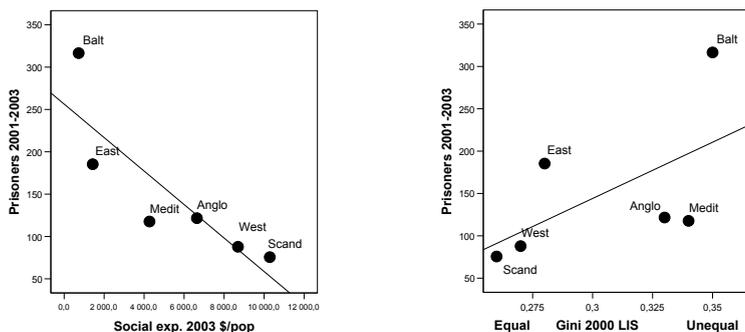
Уместность классификации стран по обеспечению всеобщего благосостояния в рамках нашего анализа легко подтвердить: если политика по обеспечению всеобщего благосостояния имеет отношение к уголовной политике (как нам представляется), то различия между режимами всеобщего благосостояния должны отразиться в различиях уголовной политики. Для того чтобы проверить эту гипотезу, мы разделили страны на шесть регионов. Это группирование основывается на оригинальной классификации Эспинга-Андерсена с добавлением трех кластеров: средиземноморских стран, бывших традиционных социалистических стран и стран Балтии. Получились следующие регионы (исключая США): Скандинавия (Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция), Западная Европа (Австрия, Бельгия, Германия, Нидерланды, Франция, Швейцария), средиземноморская Европа (Испания, Италия, Португалия), англосаксонские страны (Великобритания, Ирландия и – за пределами Европы – Австралия, Канада и Новая Зеландия), Восточная Европа (Польша, Венгрия и Чешская Республика) и страны Балтии (Эстония и Литва). На рис. 10 представлена связь между долей заключенных в составе населения, обеспечением всеобщего благосостояния (слева) и неравенством доходов (справа) в этих шести регионах.

Относительная позиция различных режимов отражает общий образец, возникающий из анализа благосостояния. Различным режимам все-

¹ Иоахим Фогель различает североευропейский, южноевропейский и западноевропейский кластеры. Для североευропейского кластера (скандинавские страны) характерны «высокий уровень социальных расходов и участия на рынке труда, слабые семейные связи, относительно низкий уровень классового неравенства и неравенства доходов, низкий уровень бедности, но высокий уровень неравенства между младшим и старшим поколениями». Южноевропейский кластер (Греция, Италия, Португалия и Испания) отличается гораздо меньшими расходами на обеспечение всеобщего благосостояния, более низкими уровнями занятости, более сильными семейными связями, более высокими уровнями классового неравенства и неравенства доходов, более высоким уровнем бедности, но низкими уровнями межпоколенческого неравенства. Западноевропейский кластер (Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Ирландия, Люксембург, Нидерланды, Франция) занимает среднюю позицию. Однако Великобритания находится на границе с южным кластером в отношении равенства доходов, бедности и классового неравенства. См.: [Vogel, 2003; Falck, von Hofer, Storgaard, 2003]. Фрэнсис Кастелс предлагает сходную классификацию, но рассматривает Швейцарию в качестве отдельного случая. См.: [Castles, 2004].

² С точки зрения степени обеспечения всеобщего благосостояния все бывшие социалистические страны занимают довольно низкую позицию, но в отношении равенства доходов между ними существуют заметные различия. Традиционные социалистические страны поддерживают довольно равномерное распределение доходов, тогда как страны Балтии с их экономической политикой и политикой в отношении доходов приближаются к западным нелиберальным государствам.

общего благосостояния свойственна различная уголовная политика и различное использование власти наказывать. С поразительной ясностью это проявляется в отношении между обеспечением всеобщего благосостояния и долей заключенных в составе населения (левая панель рис. 10).

Источники: Sourcebook–2006 с дополнениями, Организация экономического сотрудничества и развития, Люксембургское исследование доходов.

Рис. 10. Расходы на всеобщее благосостояние, неравенство доходов и доля заключенных в составе населения по регионам. Balt – страны Балтии, East – Восточная Европа, Anglo – англосаксонские страны, Medit – средиземноморская Европа, West – Западная Европа, Scand – Скандинавия

Почему всеобщее благосостояние?

Связь между затратами на обеспечение всеобщего благосостояния и числом заключенных хорошо передается старым лозунгом: «Лучшей уголовной политикой является хорошая социальная политика». Другими словами, для общества будет лучше, если государство будет инвестировать больше денег в образование, социальную сферу и поддержку семей, чем в тюрьмы. Уголовная политика, следующая принципам всеобщего благосостояния, почти по определению менее репрессивна. Неудивительно, что общее сворачивание государств всеобщего благосостояния (особенно в англосаксонских странах) в течение последних десятилетий совпадает с одновременным ростом уголовного контроля. Но это не объясняет связь между направленностью социальной политики и суровостью системы уголовного правосудия. Перед нами по-прежнему стоит вопрос о том, почему всеобщее благосостояние влияет на суровость уголовной политики? Можно выдвинуть несколько предположений.

Социальная политика, следующая принципам всеобщего благосостояния, сокращает социальные дистанции и различия в социальном обеспечении. Она также создает и укрепляет социальные связи и способствует

развитию социального (а также экономического) капитала (об отношении между социальной политикой и экономическим развитием см.: [Social Policy... 2005]). Дистанция способствует исключению и суровости, тогда как равенство и социальные связи поддерживают включение и мягкость. Почему? Следуя дюркгеймовской традиции, можно подчеркнуть значение чувства социальной солидарности. По словам Дэвида Гринберга, сравнительная мягкость и низкая степень экономического неравенства могут считаться «проявлениями высокой степени сочувственной идентификации и заботы о благополучии других» [Greenberg, 1999. P. 297].

Но не должно ли чувство солидарности иметь противоположный эффект благодаря сочувственной идентификации с положением жертвы? Ответ может заключаться в том, что уголовная политика в обществе всеобщего благосостояния формируется под влиянием не только чувств солидарности, но и более широкого понимания социальной и коллективной ответственности. В конечном счете наиболее важное значение имеют взгляды общества на источники риска и возложение вины: исходит ли риск от индивидов, на которых следует возложить вину, или источники социальных проблем понимаются шире? Разделяемый риск является зеркальным отражением разделяемой ответственности. Общества с сильным чувством разделяемой и коллективной ответственности менее склонны к возложению вины за социальные проблемы на индивидов¹. Таким образом, значение имеют не только социальные чувства солидарности, но и преобладающие представления о происхождении и причинах социальных рисков (в данном случае преступности). Если корни проблемы находятся вне индивидуального правонарушителя, то это означает также, что именно в данном направлении следует предпринимать действия². Однако, по словам Барбары Хадсон, культуры наказаний в позднемодерном обществе риска отличаются «атомистическим и агрессивным индивидуализмом». Сопоставление прав различных сторон ушло в прошлое, и единственное право, имеющее значение для большинства в настоящее время, — это собственное право на безопасность («существует только одно право человека — право не стать жертвой»). В прошлом остались также чувства

¹ Как показывают культурно-антропологические исследования, в индивидуалистических культурах возникновение риска связывается с конкретными индивидами, и, как правило, в тех несчастьях, которые случаются со слабыми, винят их самих. См.: [Hudson, 2003. P. 51–52].

² С этой точки зрения, реабилитационная пенитенциарная политика выражается в процедурах взвешивания рисков различных сторон (правонарушителя, жертвы и общества). Как указывает Джонатан Саймон, такие институты, как условно-досрочное освобождение, освобождение с испытательным периодом, ювенальная юстиция, отражают готовность снимать риск с правонарушителей и уменьшать вероятность того, что тюремное заключение нанесет им больше вреда. См.: [Simon, 2007. P. 23]. Такое взвешивание рисков очевидным образом проявляется в общей цели «справедливого распределения», предложенной финской криминологической теорией в 1970-е годы. См.: [Lappi-Seppälä, 2001].

разделяемого риска и разделяемой ответственности. Теперь мы справляемся с рисками, постоянно «сканируя» всех, с кем вступаем в контакт, чтобы определить, не представляют ли они угрозу нашей безопасности. В результате мы имеем политику исключения, мишенью которой являются индивиды, а не социальные условия [Hudson, 2003. P. 74].

В основании менее репрессивной инклюзивной социальной политики можно обнаружить чувства солидарности и широкое, менее индивидуалистическое понимание происхождения социальных рисков. Однако общество всеобщего благосостояния, организующее свою социальную жизнь, исходя из этих отправных точек, запускает также другие механизмы, которые могут способствовать меньшей репрессивности. Принимая во внимание материальные ресурсы и экономическую безопасность состоятельных обществ всеобщего благосостояния, можно утверждать, что выражать толерантность и сочувствие легче, когда собственная позиция является защищенной¹. Сочувствие и чувство единения также легче возникают среди равных. И, как уже указывалось, растущие социальные деления являются питательной средой для подозрительности, страхов и отчуждения.

Наконец, сильные государства всеобщего благосостояния могут способствовать более низким уровням репрессивности, порождая менее напряженные проблемы преступности посредством защиты от социальной маргинализации. Кроме того, поскольку функциональная система исправительных учреждений требует ресурсов и надлежащей инфраструктуры, в состоятельном государстве всеобщего благосостояния обычно имеются другие, лучшие альтернативы тюремному заключению.

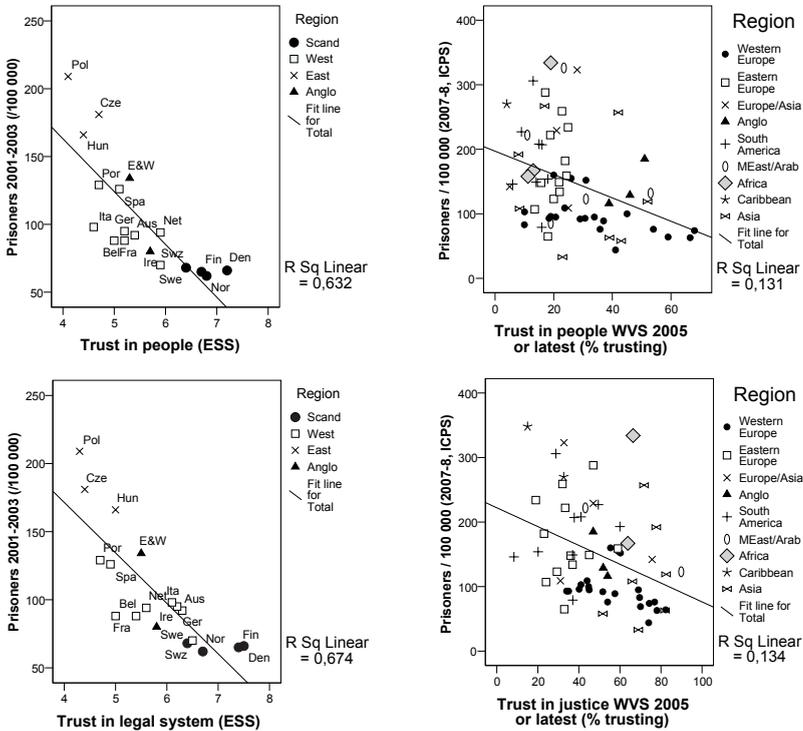
Доверие и легитимность

Между Дюркгеймом и Вебером

Наряду с дюркгеймовской традицией, связывающей уровень репрессивности с чувством социальной солидарности, существует веберовская традиция, объясняющая уровень репрессивности концентрацией власти и необходимостью защищать политический авторитет [см., например: Killias, 1986]. Возникновение жесткой и экспрессивной политики в США

¹ Существует связь между благополучием и толерантностью. Дэвид Гарланд (цитирующий Мэри Дуглас) описывает, каким образом подход к преступности, основанный на принципе «не обвинять», – подход, который подразумевается пенитенциарной политикой всеобщего благосостояния, – зависит от распространенных сетей дарения и обеспечения безопасности. В культурах, которые полагаются не на приписывание вины, а на возмещение вреда, можно обоснованно рассчитывать именно на последнее. Подход «не обвинять» требует наличия материальных предпосылок и взаимного доверия. См.: [Garland, 2001. P. 47–48]. Другими словами, только при определенных условиях «можно позволить себе быть толерантным».

и Великобритании объяснялось также упадком общественного доверия, кризисом легитимности и необходимостью для государства использовать экспрессивные наказания в качестве демонстрации верховной власти. Дэвид Гарланд ссылается в ряде случаев на неспособность государства контролировать проблему преступности и вытекающие отсюда «отрицание этого и импульсивные действия»: будучи неспособным признать, что ситуация вышла из-под контроля, и пытаясь показать общественности, что по крайней мере что-то делается в отношении проблемы преступности, правительство прибегает к выразительным жестам и карательным действиям [Garland, 2001. Р. 103]. Указывалось также, что в США с 1960-х годов сфера деятельности и ответственности федерального правительства распространилась на такие области, как здравоохранение, образование, защита прав потребителей, дискриминация и так далее.

Источники: Sourcebook-2006 с дополнениями, Международный центр тюремных исследований, Европейское социальное обследование, Всемирное исследование ценностей.

Рис. 11. Доверие к правовой системе, доверие к людям и доля заключенных в составе населения

Однако это привело к спирали политических провалов и повлекло за собой крах общественного доверия. Последовавшие экспрессивные и репрессивные действия против преступности предпринимались отчасти с целью вернуть доверие к правительству [Tonry, 2004. P. 41–44]. Потеря общественного доверия к политической системе также считается одной из основных причин роста карательного популизма и, как следствие, суровости системы уголовного правосудия в Новой Зеландии [Pratt, Clark, 2005].

Социальное и институциональное доверие

Необходимым условием эмпирических исследований является операционализация ключевых понятий. В рамках дальнейшего анализа политическая легитимность измеряется посредством данных социальных обследований о доверии граждан к политическим институтам. Анализ простирается от политической легитимности (Вебер) до социального доверия (Дюркгейм), поскольку обследования охватывают оба эти измерения. Так, Европейское социальное обследование (ESS) включает в себя ряд вопросов, позволяющих измерить доверие к людям (горизонтальное, общее или социальное доверие) и доверие к различным социальным институтам (вертикальное или институциональное доверие). Всемирное исследование ценностей (WVS), охватывающее большое количество стран, включает в себя сходные вопросы для измерения доверия граждан как друг к другу, так и к социальным и политическим институтам. Результаты, касающиеся европейских стран (первый раунд ESS), представлены на левой панели рис. 11, а результаты Всемирного исследования ценностей (раунд WVS 2005 год или последний раунд) – на правой.

Рис. 11 показывает существование сильной обратной связи между уровнями репрессивности, легитимности и социального доверия. Легитимность социальных и политических институтов выше всего в скандинавских странах и Швейцарии. Эти страны отличаются также самой низкой долей заключенных в составе населения. Близки к этому уровню доверия Австрия и Нидерланды. В противоположном углу привычно находятся восточноевропейские страны, Англия и Уэльс¹. Расширение рамок анализа и включение стран, находящихся за пределами Европы, ослабляет связь. Однако общий тренд остается неизменным. При более пристальном рассмотрении выясняется, что степень связи между различными формами доверия и долей заключенных в составе населения остается

¹ Отдельный региональный анализ дает те же результаты: в скандинавских странах более высокие уровни социального доверия, а также доверия к политическим и правовым институтам. Восточноевропейский кластер занимает противоположную позицию в обоих измерениях. Континентальные западноевропейские страны близки к скандинавским по уровню политического доверия и имеют тот же уровень социального доверия, что и англосаксонские. См.: [Lappi-Seppälä, 2008b].

наиболее высокой в развитых странах, тогда как в развивающихся и переходных (transitional) странах корреляция значительно слабее.

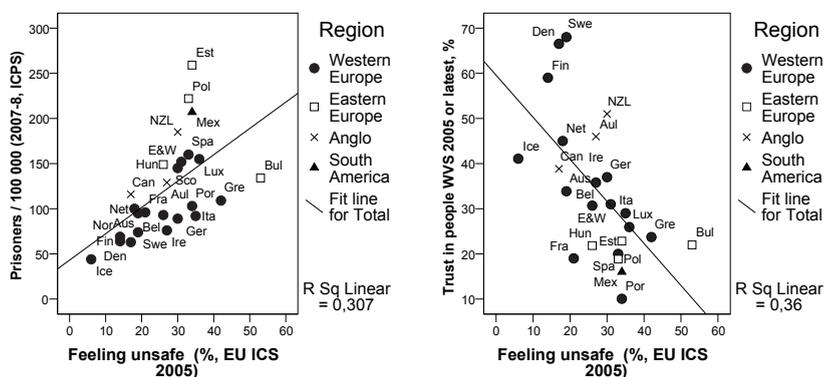
Корреляция (если анализировать данные Всемирного исследования ценностей) в странах Организации экономического сотрудничества и развития ($n = 27$, исключая США) является следующей: доверие к людям $-,53^{**}$, к полиции $-,61^{**}$, к судам $-,63^{**}$, к парламенту $-,47^*$, к правительству $-,28$. Все корреляции, за исключением доверия к правительству ($n = 20$), были статистически значимыми. Однако включение в анализ США существенно ослабляет корреляцию. Если анализировать страны, не входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития, то корреляция имеет следующие значения: доверие к людям $-,11$ ($n = 39$), к полиции $-,28$ ($n = 35$), к судам $-,13$ ($n = 37$), к парламенту $-,18$ ($n = 36$) и к правительству $-,15$ ($n = 32$). Представляется, что в случаях с более и менее развитыми странами действуют разные правила. Кроме того, среди развитых стран особым случаем являются США. Этот образец обнаруживается и при обращении к экономическим и политическим индикаторам. В менее богатых странах между экономическим благосостоянием и долей заключенных наблюдается позитивная корреляция (ВВП на душу населения менее 4000 долларов США, $r = ,46^{**}$), тогда как в более богатых (ВВП на душу населения более 4000 долларов США) рост экономического благосостояния порождает меньшую численность заключенных ($-,56^{**}$, исключая США, и $-,18$, если включить эту страну). Сходный образец обнаруживается при сравнении доли заключенных с уровнем демократии. Эта криволинейность ставит под сомнение обоснованность попыток объяснять глобальные различия в суровости систем уголовного правосудия. В данном случае существует риск сравнения яблок с апельсинами, поскольку сравниваемые страны могут отличаться друг от друга вследствие действия факторов, не поддающихся анализу. Кроме того, используемые индикаторы могут иметь различные содержание и смысл в значительно отличающихся друг от друга обществах¹. Факторы, представляющиеся релевантными в одном контексте, могут не быть таковыми в другом. То, что подходит для Европы и продвинутых демократических стран с высоким уровнем благосостояния, не подходит для остальной части мира. Например, широкое использование тюремного заключения требует денег, поэтому отсутствие ресурсов может удерживать число заключенных на низком уровне даже при наличии политической воли отправлять за решетку гораздо большее число людей. Это не означает, что глобальные сравнения бесполезны, это говорит нам о необходимости быть осторожными в отношении глобальных однофакторных обобщений. Если анализ суровости систем уголовного правосудия не ограничива-

¹ О различиях между существующими на индивидуальном уровне детерминантами социального и индивидуального доверия в западных и восточных странах см.: [Kaasa, Parts, 2008].

ется европейскими странами, то следует уделять больше внимания другим санкциям, прежде всего использованию смертной казни [см. также: Lappi-Seppälä, 2008b. P. 331–332; Johnson, 2008].

Почему доверие и легитимность?

Очевидно, что доверие и уровень репрессивности взаимосвязаны. По словам Фрэнсиса Фукуямы, высокая доля заключенных в составе населения представляет собой «прямой налог, накладываемый упадком доверия в обществе» [Фукуяма, 1995. P. 11]. И вновь мы сталкиваемся с вопросом: почему доверие и легитимность порождают мягкость, а недоверие – суровость? Доверие к институтам (вертикальное, институциональное) и доверие к людям (горизонтальное, персонализированное) по целому ряду причин имеют большое значение для функционирования социальных институтов, соблюдения норм и политической реакции на нарушение закона.

Источники: Международный центр тюремных исследований, Европейское обследование преступности и безопасности и Всемирное исследование ценностей.

Рис. 12. Доверие, страх и доля заключенных в составе населения

Уменьшение легитимности и доверия к институтам требует политического действия. В системе, отличающейся высоким уровнем уверенности и доверия, нет особой необходимости в политическом позерстве и экстремистских жестах: «вспышки репрессивности и демонизирующая риторика играют гораздо более важную роль в слабых политических режимах по сравнению с сильными» [Garland, 1996. P. 462]. Таким образом, низкая легитимность может требовать жестких мер по политическим причинам – для защиты позиции власти.

Доверие имеет также социальное измерение. Доверие к людям, страхи и призывы к суровости взаимосвязаны. Упадок доверия во многих запад-

ных странах с 1960-х годов [LaFree, 1998] обусловлен ослаблением связей внутри сообществ (community ties), ростом индивидуализма и «культуры страха» [Furedi, 2002]. В мире ослабевающих уз солидарности другие люди начинают казаться не друзьями, а чужаками. Мы не знаем, кому доверять. Все это вместе с растущим ощущением небезопасности, вызванным новыми рисками, которые невозможно контролировать на индивидуальном уровне, обеспечивает плодородную почву для страха перед преступностью. Преступность – это подходящий объект для страха и действий со стороны любого, кто окружен растущей тревогой и абстрактными угрозами. Преступность и наказания – это осязаемые и понятные мишени: мы «знаем», что вызывает преступность, мы «знаем» также, как следует действовать, чтобы решить проблему (особенно тогда, когда медиа и политики делают «хорошую» работу, обучая нас искать простые ответы). Падающее доверие и растущие страхи уже давно идут рука об руку. Страхи в свою очередь сильно коррелируют с долей заключенных в составе населения (левая панель рис. 12), а также с доверием (правая панель)¹.

Доверие связано также с социальной сплоченностью и (неформальным) социальным контролем. Общее доверие и доверие к людям являются индикатором социальных связей и социальной солидарности. Уменьшение доверия указывает на ослабление солидарности и единства. А слабая солидарность предполагает готовность к более жестким действиям.

С другой стороны, сообщества, в которых существует доверие, лучше защищены от разрушительного социального поведения. Они «коллективно более эффективны» в своих попытках осуществлять социальный контроль². Эта способность может быть связана также с более широким «социальным капиталом», включающим существование социальных сетей и разделяемых ценностей, которые препятствуют нарушению закона и поддерживают соблюдение норм. Существует очевидная связь между доверием, солидарностью и социальной сплоченностью, с одной стороны, и эффективным неформальным социальным контролем, с другой.

Доверие к институтам и легитимность также способствуют соблюдению норм. Как более поздние теории процессуальной справедливости [Tyler, 2003], так и традиционные скандинавские теории формирования норм и принуждающего эффекта (enforcing effect) уголовного права [Andenaes, 1974] подчеркивают идею о том, что в хорошо организованном обществе соблюдение норм основывается на интернализованных (норма-

¹ Источником данных о доверии является Всемирное исследование ценностей, а о страхах – Европейское обследование преступности и безопасности. См.: [van Dijk, van Kesteren, Smit, 2007].

² Группа авторов ссылается на «коллективную эффективность», определяемую как «социальная сплоченность соседей, соединенная с их готовностью вмешиваться во имя общего блага». См.: [Sampson, Raudenbush, Earls, 1997].

тивных) мотивах, а не на страхе. И важнейшим условием в данном случае является восприятие людьми этой системы как справедливой и легитимной. Система, стремящаяся поддерживать соблюдение норм посредством доверия и легитимности, а не устрашения, способна, как показывают результаты исследований, обходиться менее суровыми санкциями.

Итак, связь между доверием и уровнем репрессивности является функцией ряда сосуществующих отношений. Отсутствие институционального доверия порождает политическое давление в направлении использования более репрессивных средств с целью поддержания политического авторитета. Отсутствие личного доверия, связанное со страхом, ведет к растущим призывам к карательности и усиливает такое давление. Между тем доверие может способствовать выстраиванию бюрократического контроля между требованиями общественности и осуществлением наказаний. В свою очередь, политическое и институциональное недоверие препятствует делегированию власти наказывать и благоприятствует обязательным (mandatory) наказаниям и жестким инструкциям¹. С другой стороны, высокий уровень личного доверия, сплоченность сообщества и социальный капитал укрепляют неформальный социальный контроль. Вместе с соблюдением норм, основанным на легитимности, это уменьшает необходимость прибегать к формальному социальному контролю и к системе наказаний. Но каковы структуры, поддерживающие и усиливающие доверие (и всеобщее благосостояние)? Поиски ответа на этот вопрос приводят нас к рассмотрению политической культуры и политической экономии.

(Продолжение – в следующем номере.)

Список источников

Aebi M., Aromaa K., Aubusson de Cavarlay B., Barclay G., Gruszczyńska B., von Hofer H., Hysi V., Jehle J.-M., Killias M., Smit P., Tavares C. The European

¹ О связи между доверием и структурными устройствами в осуществлении правосудия см.: [Zimring, Hawkins, Kamin, 2001. P. 173; Zimring, Johnson, 2006]. Как указывают авторы, прямой демократический контроль над непосредственным уровнем наказаний сопровождается ростом репрессивности, тогда как создание бюрократического контроля между общественным участием и индивидуальными решениями (например, в форме широкой свободы действий независимой судебной власти) ведет к умеренности в назначении наказаний. Доверие приобретает важное значение в этом контексте, как только мы задаемся вопросом: «Почему избиратели допускают осуществление власти наказывать в столь отдаленной от непосредственного демократического контроля форме?» Авторы указанных работ отвечают на это так: «главным образом потому, что граждане доверяют правительству и уверены в его ответственных действиях, и это доверие способствует мягкости, делая возможными структурные устройства (такие как делегированная свобода действий), позволяющие судьям самостоятельно принимать решения о наказаниях». См.: [Zimring, Johnson, 2006. P. 274].

Sourcebook of Crime and Criminal Justice Statistics – 2006. The Hague: Boom Juridische Uitgevers, 2006.

Aebi M., Stadnic N. Council of Europe SPACE 1: 2005/1007 Survey on Prison Populations. Document PC–CP (2007) 2 / (2009) 1. Strasbourg: Council of Europe, 2009.

Andenaes J. Punishment and Deterrence. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1974.

Beckett K., Western B. Governing Social Marginality: Welfare, Incarceration, and the Transformation of State Policy // Mass Imprisonment. Social Causes and Consequences / ed. by D. Garland. London: Sage Publications, 2001. P. 35–50.

Castles F. The Future of the Welfare State. Crisis Myths and Crisis Realities. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Cavadino M., Dignan J. Penal Systems. A Comparative Approach. London/Thousand Oaks/New Delhi: Sage Publications, 2006.

Correctional Statistics of Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden 2002–2006 / ed. by R. Kristoffersen. Oslo: Correctional Service of Norway Staff Academy, 2008.

Downes D. Political Economy, Welfare and Punishment in Comparative Perspective // Resisting Punitiveness in Europe? Welfare, Human Rights and Democracy / ed. by S. Snacken, E. Dumortier. London: Routledge, 2011.

Downes D., Hansen K. Welfare and Punishment in Comparative Perspective // Perspectives on Punishment: The Contours of Control/S. Armstrong, L. McAra. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 133–154.

Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.

Falck S., von Hofer H., Storgaard A. Nordic Criminal Statistics 1950–2000. Stockholm: Department of Criminology, Stockholm University, 2003.

Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: Free Press Paperbacks Book, 1995.

Furedi F. Culture of Fear: Risk-Taking and the Morality of Low Expectation. London: Continuum, 2002.

Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. Chicago: The University of Chicago Press, 2001.

Garland D. The Limits of the Sovereign State: Strategies of Crime Control in Contemporary Society // British Journal of Criminology. 1996. Vol. 36/4. P. 445–471.

Greenberg D. Novos Ordo Saeclorum? A Commentary on Downes, and on Beckett and Western // Mass Imprisonment. Social Causes and Consequences / ed. by D. Garland. London: Sage Publications, 2001. P. 70–81.

Greenberg D. Punishment, Division of Labor, and Social Solidarity // The Criminology of Criminal Law (Advances in Criminological Theory / ed. by W. S. Laufer, F. Adler. New Brunswick: Transaction Publishers, 1999. Vol. 8. P. 283–361.

Huber E., Ragin C., Stephens J., Brady D., Beckfield J. Comparative Welfare States Data Set. Northwestern University, University of North Carolina, Duke University, Indiana University, 2004.

Hudson B. Justice in the Risk Society. London: Sage Publications, 2003.

International Centre for Prison Studies // <http://www.prisonstudies.org/info/worldbrief/>.

Johnson D. Japanese Punishment in Comparative Perspective // Japanese Journal of Sociological Criminology. 2008. № 33. P. 46–66.

Kaasa A., Parts E. Individual-Level Determinants of Social Capital in Europe. Differences between Country Groups // Acta Sociologica. 2008. June. P. 145–168.

Killias M. Power Concentration, Legitimation Crisis and Penal Severity: A Comparative Perspective // International Annals of Criminology. 1986. Vol. 24. P. 181–211.

LaFree G. Losing Legitimacy: Street Crime and the Decline of Social Institutions in America. Oxford: Westview, 1998.

Lappi-Seppälä T. Penal Policy in Scandinavia // Crime and Justice: A Review of Research. Vol. 36 / ed. by Michael Tonry. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 217–295.

Lappi-Seppälä T. Politics or Policy – Fluctuations in the Finnish Penal Policy // Ikke kun straf. Festschrift til Vagn Greve. København: Jurisog Ökonomiforbundets Forlag, 2008a. P. 333–357.

Lappi-Seppälä T. Sentencing and Punishment in Finland: the Decline of the Repressive Ideal // Punishment and Penal Systems in Western Countries / ed. by M. Tonry, R. Frase. New York: Oxford University Press, 2001. P. 92–150.

Lappi-Seppälä T. Trust, Welfare, and Political Culture: Explaining Differences in National Penal Policies // Crime and Justice: A Review of Research. Vol. 37 / ed. by Michael Tonry. Chicago: The University of Chicago Press, 2008b. P. 313–387.

Lijphart A. Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty-six Countries. New Haven: Yale University Press, 1999.

Pratt J. Scandinavian Exceptionalism in an Era of Penal Excess: Part I: The Nature and Roots of Scandinavian Exceptionalism // The British Journal of Criminology. 2008. Vol. 48. P. 119–137.

Pratt J., Clark M. Penal Populism in New Zealand // Punishment and Society. The International Journal of Penology. 2005. Vol. 7. № 3. P. 303–322.

Ruddell R. Social Disruption, State Priorities, and Minority Threat. A Cross-National Study of Imprisonment // Punishment and Society. The International Journal of Penology. 2005. Vol. 7. № 1. P. 7–28.

Sampson R., Raudenbush S. W., Earls F. Neighborhoods and Violent Crime: A Multilevel Study of Collective Efficacy // Science. 1997. Vol. 277. P. 918–924.

Simon J. Governing Through Crime. How the War on Crime Transformed American Democracy and Created a Culture of Fear. New York: Oxford University Press, 2007.

Social Policy and Economic Development in the Nordic Countries / ed. by O. Kangas, J. Palme. Houndmills, Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2005.

Sutton J. The Political Economy of Imprisonment in Affluent Western Democracies 1960–1990 // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69. P. 170–189.

Tham H. Imprisonment and Inequality. Paper prepared for the 5 th Annual Conference of the European Society of Criminology Kraków, Aug. 31 – Sep. 3, 2005 (Working paper). Stockholm: Department of Criminology, Stockholm University, 2005.

Tonry M. Thinking about Crime. Sense and Sensibilities in American Penal Culture. New York: Oxford University Press, 2004.

Tyler T. Procedural Justice, Legitimacy, and the Effective Rule of Law // *Crime and Justice: A Review of Research* / ed. by Michael Tonry. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. Vol. 30. P. 283–357.

van Dijk J. The World of Crime: Breaking the Silence on Problems of Security, Justice and Development Across the World. London: Sage Publications, 2008.

van Dijk J., van Kesteren J., Smit P. Criminal Victimization in International Perspective. Key Findings from the 2004–2005 ICVS and EU ICS. The Hague: Ministry of Justice, WODC, 2007.

Vogel J. Welfare Institutions and Inequality in the European Union: a Lesson for Developing Countries // *Poverty, Growth and Welfare in the World Economy in the 21 st Century* / ed. by F. Carlucci, F. Marzano Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt / M., New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2003.

von Hofer H. Prison Populations as Political Constructs: the Case of Finland, Holland and Sweden // *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*. 2003. Vol. 4. P. 21–38.

Wilkins L. Punishment, Crime and Market Forces. Aldershot: Dartmouth Publishing Company, 1991.

Zimring F., Johnson D. Public Opinion and the Governance of Punishment in Democratic Political Systems // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2006. May. Vol. 6005. P. 266–280.

Zimring F., Hawkins G., Kamin S. Punishment and Democracy. Three Strikes and You're Out in California. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Тапио Лаппи-Сеппала

PhD, директор Национального исследовательского института
правовой политики, Финляндия
электронная почта: tapio.lappi-seppala@om.fi

Перевод с англ. И. Ясавеева